

РОЛЬ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ПОСТРОЕНИИ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Бурханова Гулрух Садриддиновна,

Преподаватель кафедры русского языка и литературы

Самаркандского государственного педагогического института;

Нуриддинова Дилбар Косимовна,

студентка 3 курса факультета языков

Самаркандского государственного педагогического института.

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена исследованию роли морфологических категорий в организации и функционировании научного дискурса, а именно – в процессе построения академических докладов. В работе ставится цель показать, что морфологический строй языка, традиционно понимаемый как система словоизменения и классификации частей речи, является не просто формальным каркасом, но активным семиотическим инструментом, конструирующим эпистемическую реальность научного сообщества. На материале русского языка рассматриваются ключевые грамматические категории – одушевленности/неодушевленности, числа, времени, залога, вида и наклонения. Анализируется их способность перераспределять смысловые акценты, регулировать степень абстракции, маркировать источник знания и формировать этический контур взаимодействия между докладчиком и аудиторией. Особое внимание уделяется явлению переноса, или лингвистической интерпретации, когда стандартные грамматические формы обретают в контексте научной речи новые, прагматически обусловленные значения. Делается вывод о том, что морфологическая компетенция ученого является неотъемлемой частью его риторической стратегии, а грамматические категории выступают в роли

неявных, но мощных операторов, управляющих вниманием и логическими умозаключениями слушателей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Морфологические категории, научный доклад, научный дискурс, русский язык, грамматика речи, категория вида, категория залога, эпистемическая модальность.

ABSTRACT This article investigates the role of morphological categories in the organization and functioning of scientific discourse, specifically focusing on the construction of academic presentations. The study aims to demonstrate that the morphological structure of a language, traditionally understood as a system of inflection and parts of speech classification, serves not merely as a formal framework but as an active semiotic tool that constructs the epistemic reality of the scientific community. Using Russian language material, the research examines key grammatical categories—animacy/inanimacy, number, tense, voice, aspect, and mood. It analyzes their capacity to redistribute semantic emphasis, regulate the degree of abstraction, mark the source of knowledge, and shape the ethical contours of interaction between the speaker and the audience. Particular attention is paid to the phenomenon of transfer, or linguistic interpretation, whereby standard grammatical forms acquire new, pragmatically conditioned meanings within the context of scientific speech. The conclusion posits that a scientist's morphological competence is an integral part of their rhetorical strategy, with grammatical categories acting as implicit yet powerful operators that manage audience attention and logical reasoning.

KEYWORDS Morphological categories, academic presentation, scientific discourse, Russian language, grammar of speech, aspect category, voice category, epistemic modality.

Традиционно лингвистика рассматривает морфологию как учение о частях речи и их грамматических категориях, таких как род, число, падеж,

время, вид и наклонение. Этот раздел грамматики долгое время воспринимался как набор статичных правил, необходимых для верного построения предложений, но мало влияющих на содержание высказывания. Однако при более пристальном рассмотрении академического дискурса, в частности устной формы научной коммуникации — доклада, становится очевидным, что морфологические категории играют гораздо более сложную, конструктивную роль. Они представляют собой не инертный материал, а активный ресурс, который говорящий субъект использует для моделирования реальности, воздействия на адресата и самопозиционирования в поле научного знания.¹ В данной статье будет предпринята попытка рассмотреть научный доклад на русском языке не только как логическую последовательность тезисов, но и как сложное грамматическое произведение, где выбор определенной морфемы или грамматической формы способен кардинально изменить эпистемический статус сообщаемого факта.

Начнем с анализа наиболее фундаментальной, казалось бы, оппозиции, пронизывающей грамматику русского языка: противопоставления одушевленных и неодушевленных существительных. В рамках построения научного доклада эта категория приобретает метафорический потенциал, выходящий за рамки простого биологического различия живого и неживого. Исследователь, стоящий у трибуны, неизбежно сталкивается с проблемой персонификации или, напротив, дегуманизации объектов своего исследования. Например, в текстах по гуманитарным наукам, социологии или биологии наблюдается устойчивая тенденция к переносу свойств одушевленности на абстрактные понятия и социальные институты. Когда докладчик утверждает, что «рынок корректирует спрос» или «теория пренебрегает фактами», существительные «рынок» и «теория» приобретают

¹ Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 30-45

грамматические и семантические признаки агентов — действующих лиц, обладающих волей. Эта грамматическая метафора служит мощным риторическим приемом, позволяющим представить социальные или логические процессы как естественные и неизбежные, а также снять ответственность за конкретные действия с конкретных людей. В русле идей когнитивной лингвистики, развиваемых в работах таких исследователей, как Дж. Лакофф и М. Джонсон, подобная грамматическая метафора одушевления структурирует мышление научного сообщества, делая сложные экономические или физические модели более интуитивно понятными через апелляцию к антропоморфному опыту.

В то же время, в дискурсе точных и технических наук прослеживается обратная стратегия — намеренная дезавтоматизация оживления, стремление к устранению агента из описания. Это выражается в предпочтении конструкций, деактуализирующих субъекта действия. Ярким примером здесь служит активное использование возвратных глаголов с постфиксом -ся в пассивном или общевозвратном значении (например, «атом расщепляется», «формула выводится», «температура измеряется»). В этих контекстах существительные, обозначающие физические объекты, будучи формально неодушевленными, тем не менее подчиняют себе глагольное действие, хотя и не обладают волей. Возвратная форма глагола в данном случае работает как инструмент дефокусировки активного экспериментатора, смещая внимание слушателя на сам объект исследования и его имманентные свойства. Таким образом, категория одушевленности/неодушевленности становится у ученого способом манипуляции фокусом внимания: либо направить его на деятеля, либо на объект.

Следующей важнейшей категорией, чья роль в научном докладе часто недооценивается, является категория числа. На первый взгляд, строгий

академический жанр требует точности, а значит, преимущественно единственного или множественного числа в их прямом значении. Однако анализ устных докладов (в отличие от письменных статей, прошедших жесткое редакторское вычитывание) показывает активное использование "абстрактного" или "распределительного" множественного. Речь идет о формах типа «в водах мирового океана», «на сдвигах породы» или «в суждениях философа». Такое множественное число сигнализирует не столько о множественности идентичных объектов, сколько о сложной, гетерогенной структуре понятия. Оно маркирует переход от абстрактной категории («вода» как вещество) к эмпирическому пространству («воды» как конкретные бассейны или массы), что необходимо при обсуждении результатов полевых наблюдений или конкретных данных.

Особого внимания заслуживает риторическое употребление формы множественного числа от фамилий ученых («Там, у Планков, мы находим...») или от названий теорий («Постмодернизмы расходятся во взглядах...»). Подобная формализация уничтожает уникальность личности автора, превращая его в «класс» или «школу». Это может служить двум целям: либо выражению пренебрежения или легкой иронии по отношению к научному авторитету, либо, напротив, подчеркиванию масштаба влияния ученого, породившего целое направление. С другой стороны, профессор, читающий доклад, может использовать так называемое "авторское мы" — форму, семантический объем которой варьируется в широких пределах от обозначения строго коллектива соавторов до скромного плюралиса аудитории. В научной риторике использование «мы» вместо «я» является сложным перформативным актом. Как отмечал Э. Бенвенист, само наличие местоимения первого лица создает субъективность в языке. Отказ от него в пользу множественного числа выполняет функцию дистанцирования от субъекта высказывания, создавая иллюзию, что утверждение принадлежит не

личности, а самой науке или «здравому смыслу» аудитории.² С другой стороны, это «мы» может включать слушателей в процесс познания, разделяя с ними ответственность за вывод, — прием, характерный для убеждающей речи в гуманитарных науках.

Переходя от субстантивных (именных) категорий к глагольным, мы оказываемся в зоне наиболее активного конструирования логики повествования. Научный доклад — это не констатация фактов, а нарратив об открытии или анализе. Именно глагольные категории времени, вида и залога организуют этот нарратив во времени и модальности. Категория времени в научном докладе имеет ярко выраженную специфику, которую в терминологии А.В. Бондарко можно было бы назвать "концептуальной темпоральностью".

Абсолютное настоящее время (презенс) здесь доминирует не потому, что действие совершается в момент речи, а потому, что оно констатирует вневременной факт, закономерность, аксиому. Фразы вроде «Земля вращается вокруг Солнца» или «Автор показывает, что противоречие разрешается» относятся к так называемому «настоящему констатирующему» или «настоящему постоянного отношения». Это грамматическое время формирует эпистемическую базу науки как собрания вечных истин.³

Однако на фоне этого вневременного фона особенно отчетливо выделяются вкрапления будущего и прошедшего времени. Формы будущего времени, особенно в сочетании с частицей «не» или в условных конструкциях, моделируют мысленные эксперименты: «Поместим частицу в камеру... мы увидим распад». Будущее время здесь синонимично императиву (побуждению к действию) и одновременно гипотетическому модусу. Прошедшее время же

² Виноградов В. В. Русский язык. — 1986. — С. 280-295

³ Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. — 2005. — С. 98-107

резервируется для двух целей: для описания истории изучения вопроса («Долгое время считалось, что...») и для фиксации уникальных единичных результатов проведенного исследования («В ходе эксперимента мы зафиксировали аномалию»). В последнем случае прошедшее время маркирует эмпирическое событие, которое, в отличие от теоретических выкладок в настоящем времени, является точечным и завершенным. Таким образом, переключение между планами времени задает нарративную динамику доклада: экскурс в историю (прошлое), постановка задачи (будущее/презент) и утверждение нового знания (презент, реже перфект).

Не менее важна в этом конструировании категория глагольного вида — совершенного и несовершенного. В русской лингвистике (начиная с работ Ю.С. Маслова) вид понимается как категория, определяющая характер протекания действия во времени или его предельность. В научном дискурсе оппозиция вид/не вид работает как инструмент разделения "процесса" и "результата". Несовершенный вид описывает методологию, сам путь исследования: «Анализировались данные, вычислялись коэффициенты, рассматривались исключения». Слушатель в этом случае становится свидетелем научной процедуры, ее длящейся и повторяющейся природы. Совершенный вид, напротив, маркирует ключевые точки семантической сети доклада — выводы, верификацию, итоги: «Данные проанализированы, гипотеза подтверждена, закономерность установлена». Переход от несовершенного вида в вводной и основной частях к совершенному виду в заключении служит для аудитории морфологическим сигналом завершения когнитивного пути и наступления момента истины. Игнорирование этой грамматической оппозиции превращает доклад в бесструктурный поток, тогда как умелое манипулирование видом превращает его в убедительную демонстрацию.

Категория залога является тем грамматическим полем, где разворачивается борьба между «объективностью» и «субъективностью» научного знания. Как уже упоминалось на примере возвратных глаголов, пассивный залог (страдательные причастия и -ся формы) является королем классического научного стиля. «Было обнаружено», «уравнение решается» — эти конструкции убирают экспериментатора из предложения, делая знание самодостаточным. Однако чрезмерное увлечение пассивом может сделать речь тяжеловесной и двусмысленной (кто именно решил уравнение?). Современная коммуникативная лингвистика отмечает тенденцию к "реабилитации" активного залога в научных докладах, особенно в начале выступления, когда докладчик представляет себя, или в момент критической полемики, когда он отстаивает авторство идеи («Я утверждаю, что...» вместо «Можно утверждать, что...»).

Особого внимания заслуживает феномен модальности, выражаемый не только вводными словами, но и наклонением глагола. Изъявительное наклонение — основной инструмент констатации фактов в науке. Однако роль сослагательного наклонения (субъюнктива) и императива в структуре доклада гораздо более изощренна, чем это принято считать. Формы сослагательного наклонения («можно было бы предположить», «следовало бы отметить», «данные позволили бы»). Это средство введения гипотезы, вежливого несогласия или указания на недостатки в оппонента.

Субъюнктив создает безопасное когнитивное пространство, где ученый может высказать смелую догадку, не рискуя репутацией, поскольку действие маркируется как ирреальное, желаемое или возможное. В ситуации научной полемики конструкция «Вы не учли бы...» звучит мягче, чем категоричное «Вы не учли...», хотя логически остается утверждением об ошибке. Таким

образом, сослагательное наклонение служит грамматическим эквивалентом научной вежливости и эпистемической осторожности.

Повелительное наклонение (императив) в научном докладе почти никогда не обращено напрямую к слушателю в грубой форме («Слушай!»). Оно функционирует в двух основных ипостасях: как побуждение к совместному мысленному действию и как разрешение на движение мысли. Формы 1-го лица множественного числа императива («рассмотрим», «допустим», «обратимся к рисунку») являются ритуальными формулами академического этикета, которые интегрируют аудиторию в процесс исследования. Вторая ипостась — это императив в условных конструкциях, близкий по значению к сослагательному наклонению, но более энергичный («Поставьте мы эксперимент в других условиях...»).

Нельзя обойти вниманием и явление частеречной транспозиции, характерное для научного доклада. Речь идет о субстантивации — переходе прилагательных и причастий в разряд существительных («управляющее», «измеряемое», «данное», «подопытное»). Этот процесс позволяет создавать компактные термины, которые обозначают не качество, а класс объектов, обладающих этим качеством. В устной речи доклада это экономит время и создает ощущение профессиональной общности («посмотрите на управляющее» — все в аудитории понимают, что речь идет об определенном элементе системы). Обратный процесс — адъективация причастий — также часто встречается, когда результат процесса застывает в качестве постоянного признака («рабочая жидкость», «скрытая теплота»).

Говоря о средствах связи в научном докладе, необходимо упомянуть местоимения. Личные местоимения мы уже обсудили, но важную роль играют также указательные местоимения («этот», «тот», «такой»). В монологической речи докладчика, где отсутствует жест, указательное местоимение берет на

себя функцию анафоры (отсылки к предыдущему тексту) и катафоры (отсылки к последующему). Фраза «Это говорит о том, что...» содержит указательное местоимение, которое абсорбирует в себя всё содержание предыдущего сложного предложения, позволяя строить логическую цепочку, не повторяя громоздкие конструкции.

Для того чтобы глубже понять, как морфологические механизмы работают в реальной коммуникативной среде научного мероприятия, необходимо рассмотреть специфику восприятия устной речи. В отличие от чтения статьи, слушатель не может вернуться назад и перечитать сложное место. В этой связи категория падежа, например, приобретает компенсаторную функцию. В русском языке порядок слов относительно свободен, но падежные окончания несут основную нагрузку по различению подлежащего и дополнения. В сложных громоздких фразах, типичных для письменной речи переносимой в устную, именно четкое произнесение окончаний спасает фразу от непонимания. Однако опытный докладчик, владеющий риторикой, будет избегать родительного падежа в длинных цепочках (так называемый «родительный падеж при нанизывании»: «анализ результатов проведения эксперимента по определению...»), так как это трудно для восприятия на слух. Он разобьет конструкцию, заменив одно из существительных глаголом в личной форме, что вернет нас к важности глагольных категорий.

Значительный интерес представляет роль кратких прилагательных и причастий. Формы типа «доклад посвящен...», «исследование ограничено...», «результаты обоснованы...» несут в себе не только пассивное значение, но и значение состояния, являющегося результатом предшествующего действия (перфектность). В финале доклада использование кратких форм придает выводам весомость и окончательность, ставит логическую точку.

Итак, проанализировав различные уровни морфологической системы — от именных категорий одушевленности и числа до глагольных категорий времени, вида, наклонения и залога, а также служебных частей речи, мы можем утверждать, что научный доклад представляет собой сложноорганизованное грамматическое событие. Морфологические категории выступают не как статичные ярлыки для слов, а как динамические операторы смысла. С их помощью исследователь выстраивает иерархию важности объектов (через одушевление/неодушевление), задает темпоральный и логический ритм повествования (через вид и время), обозначает степень своей уверенности и отношения с аудиторией (через наклонение и залог).

Коммуникативная успешность научного доклада зависит не только от новизны данных, но и от того, насколько умело говорящий использует этот грамматический инструментарий. Ошибки в координации вида и времени могут разрушить логическую цепочку, а неуместное использование пассива — создать эффект двусмысленности. В этом контексте овладение морфологией родного языка для ученого выходит за рамки школьной грамотности и становится частью его профессиональной риторической компетенции. Понимание того, что грамматический выбор — это всегда содержательный выбор, должно стать неотъемлемой частью подготовки научных кадров, наряду с методологией исследования и этикой цитирования. Перспективным направлением для дальнейших исследований может стать экспериментальное изучение восприятия морфологических конструкций аудиторией в реальном времени, чтобы выявить, какие именно грамматические структуры обеспечивают максимальное усвоение сложного материала на слух. Подобные исследования, синтезирующие лингвистику, психологию и риторику науки, помогут создать практические рекомендации для докладчиков, превращая стихийное владение языком в управляемое мастерство убеждения.

Список использованной литературы:

1. Бондарко, А. В. Теория морфологических категорий. – Ленинград: Наука, 1976.
2. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – Москва: Высшая школа, 1986.
3. Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Москва: Русский язык, 1980.
4. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – Москва: Языки славянской культуры, 2004.
5. Маслов, Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. – Москва: Языки славянской культуры, 2004.
6. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии. – Москва: Аспект Пресс, 2000.